СТАТЬИ

ЭО, 2010 г., № 1

© Л.И. Миссонова

РОЖДЕНИЕ ПИСЬМЕННОСТИ УЙЛЬТА В XXI в. (ПРОБЛЕМЫ ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ЯЗЫКА МАЛОЧИСЛЕННОГО НАРОДА)

14 апреля 2008 г. в Сахалинской областной универсальной научной библиотеке в г. Южно-Сахалинске состоялась презентация первой книги для изучения уйльтинского языка (тираж – 500 экз.). Проект по созданию письменности уйльтинского языка разработал почетный профессор Университета Хоккайдо Дзиро Икэгами, работавший в тесном контакте с представителями народа уйльта Еленой Бибиковой, Ириной Федяевой (Ногликский р-н Сахалинской обл.), Любовью Китазима и Минато Сирюко (Поронайский р-н Сахалинской обл.). Проект был утвержден в Институте языкознания РАН в Москве в 1993 г.

Публикация букваря стала возможной благодаря совместному проекту компании "Сахалин Энерджи", администрации Сахалинской обл. и Совета уполномоченных представителей коренных малочисленных народов севера Сахалина. Несколько лет готовый к печати букварь ждал своей публикации. При этом каждый год его "лежания" был равнозначен потере возможности изучения языка для многих представителей малочисленного народа (общая численность – 346 человек, из которых 298 живут в Сахалинской обл. – Перепись 2002). Выход в свет книги – результат реализации "Плана содействия развитию коренных малочисленных народов севера Сахалина". В своей речи на презентации менеджер отдела внешних связей компании Джим Нивен, ссылаясь на данные журнала "National Geographic", отметил, что каждые 14 дней с лица земли исчезает один язык, к 2010 г. может исчезнуть половина из 7 тыс. ныне существующих языков, поэтому «компания "Сахалин Энерджи" гордится тем, что стала частичкой большого и благородного проекта по сохранению и развитию языка уйльта».

Появление букваря языка уйльта – событие для уйльта и не только… Уйльта – самоназвание одного из коренных народов Сахалинской обл. Численность его, ранее не имевшего собственной письменности, учебников и письменных литературных произведений на родном языке, составляет всего три с половиной сотни человек, из которых родным языком владеют в различной степени (точнее, в минимальной) менее четырех десятков старожилов. Остальные представители народа, владея только русским языком, еще в начале XXI в. не имели реальной возможности изучать родной язык. Процесс обучения языку уйльта в XX в. был очень сложен из-за отсутствия системы письменности (хотя обучение практиковалось в факультативной школьной и детсадовской программах как в советское, так и в постсоветское время). Поэтому букварь полезен не только юным представителям народа уйльта, но и взрослым, которые после публикации букваря изъявили желание приобщиться к языку предков и национальной культуре.

Как сообщали СМИ на Сахалине в середине апреля 2008 г., к моменту презентации на изданный букварь уже поступили запросы из Литвы, Польши, Германии, Ве-

---

Людмила Ивановна Миссонова – кандидат исторических наук, куратор многотомной этнологической серии "Народы и культуры" Института этнологии и антропологии РАН; e-mail: missmila@iea.ras.ru

ликобритании, проявился огромный интерес научных учреждений России и Японии. Наличие письменности, по твердому убеждению представителей уйльтинской интеллигенции, важно для сохранения культуры, самовыражения и самоутверждения народа, для передачи современными средствами будущим поколениям этнической информации, заложенной в родном языке.

Следует сказать, что многочисленные публикации в российских СМИ, а также в Интернете содержали огромное число нелепостей, когда речь шла о восприятии этого события окружающими уйльта народами. Сразу после издания букваря журналисты обратились к истории его создания и пытались поднять вопросы о месте языка уйльта в языковой классификации и даже рассмотреть его строение. При этом оценки свершившегося факта были различные: от отрицания необходимости такой публикации до восхищения. В ряде статей и выступлений содержались неточности в оценке языка уйльта, его места в системе языков России и народе уйльта в целом.

СМИ активно влияют на жизнь малочисленного народа в многоэтничном обществе Сахалина (всего в Переписи 2002 г. зафиксировано 182 наименования народов, из них 128 присутствуют в списке Сахалинской обл., то есть 70,3% от общего числа по РФ). Именно этот факт вызвал необходимость подготовить статью, в которой была бы изложена история изучения языка, рассмотрены социальные процессы, сопровождавшие появление букваря. Попутно следует заметить, что японская печать сразу отреагировала на появление уйльтинского букваря (научные периодические издания Университета Хоккайдо, газета общества уйльта в городах Саппоро и Абасири на японском языке).

История создания букваря

Известно, что в целях распространения православия попытки создания письменности языков “северных” народов предпринимали некоторые миссионеры. Крещение уйльта происходило в 1879–1916 гг. (в метрических записях их регистрировали как “орочен”) (см. Метрические книги). При этом успешно распространялись православные (“русские”) имена, но серьезных попыток заняться письменностью не наблюдалось. О возникновении письменности у народов Севера можно говорить лишь на рубеже 20–30-х годов XX в., когда проводилось национально-территориальное районирование. Создавалась она на основе латинского алфавита, а затем “в целях более тесной связи с русским языком, являющимся общепринятым языком межнационального общения, была переведена на русскую графическую основу”. Создание письменности на родных языках было предусмотрено для “наиболее многочисленных малых народностей Севера” (*Скорик* 1969: 470–471).

Как отмечали лингвисты в советское время, северные языки распространены на обширной территории страны: от мыса Дежнева на востоке, до Кольского п-ова на западе, от п-ова Таймыр на севере, до Тихоокеанского побережья на юге (Там же: 467). При этом очень часто обращение к языкам северных народов в первую очередь было обусловлено как к “вспомогательному средству при обучении в школе на русском языке, а также в политической и культурно-просветительской работе” (Там же: 473).

Официальные заявления того времени о том, что северные языки, как и все другие языки страны, “являются одной из наиболее действенных форм развития национальной культуры” (Там же: 470), к сожалению, не соответствовали реальному положению дел. Поскольку уйльта (орочены, ороки, как их фиксировали в различных документах в советское время) не попадали в разряд “наиболее многочисленных малых народностей Севера”, языковеды обделили их своим вниманием. В итоге ни в 30-е годы XX в., ни позднее письменность у этого народа не появилась. Нельзя сказать, что о ней не задумывались представители немногочисленной интеллигенции уйльта. Идея получила свою реализацию тогда, когда в начале постсоветского периода в пос. Вал Ногликского р-на Сахалинской обл. приехал известный японский профессор Дзиро Икегами,

Создатель письменности уйльта Дзиро Цумагари с женой. 2008 г. Саппоро (Япония).
Фото Тоширо Цумагари

поставивший перед собой цель исследовать уйльтинский язык. Тогда же состоялась его беседа с Е.А. Бибиковой о подготовке букваря (ПМА 1).

Ошибочно утверждать, будто потребность в письменности была чужда народностям Севера (*Скорик* 1969: 470). Эта потребность подтверждается существованием у многих северных народов системы пиктографического письма, различных знаков собственности на предметах обихода, системы меток домашних животных, например, оленей у уйльта, передачи информации на деревьях по пути следования между сезонными стоянками кочующих уйльтинских семей (и даже попыток создания системы иероглифического письма, к примеру, у чукчей – *Богораз* 1934: 8).

При создании первого учебного пособия (букваря) уйльтинского языка Д. Икегами, естественно, столкнулся с проблемой выбора отражения в письменности диалектического звучания речи *северной* и *южной* групп уйльта. Эта проблема характерна для периода становления национальных языков. Еще в 1940–1950-е годы среди лингвистов активно обсуждался вопрос о роли тех или иных диалектов в формировании языка. Как отмечалось в те годы, “если нормы или особенности основного диалекта распространяются в некоторых случаях даже в своей первозданной форме по всей национальной территории, вытесняя собою специфические особенности и черты прочих диалектов, то, конечно, главным образом в литературно обработанном виде, через письменность… школы”; «чем пестрее и разнообразнее “речевая жизнь” того или иного народа, тем сложнее, менее плавно и иногда болезненнее проходит процесс образования и оформления национального языка» у ранее бесписьменных народов (*Санжеев* 1952: 339, 361). Правда, в начале XXI столетия национальный язык народов Севера уже не призван выполнять функцию “орудия общения всех членов” национальной общности, что было актуальным в середине прошлого века (Там же: 338), поскольку уйльта, как и другие малочисленные народы, общаются на русском языке.

Вместе с тем представители уйльта, относящие себя к *суннени* (южная группа) и *доронени* (северная), до сих пор решают, какой из их языков-диалектов "настоящий", более "древний" и более "правильный" и должен играть главную роль при создании письменности. С этим в процессе работы должен был считаться Д. Икегами. Ведь ни в прошлом, ни в нынешнем веке в жизни уйльта не доминировал ни один из двух диалектов (ни по числу говорящих, ни по значимости для всего сообщества). Более того, хотя представители северной и южной групп всегда знали о звуковых (речевых) особенностях своих языков, данная проблема проявилась со всей очевидностью именно в процессе подготовки букваря. Как и в середине XX в. у других народов Севера, встал вопрос о том, что диалект, не легший в основу национального языка, может потерять самобытность, поскольку всех детей будут обучать по единому букварю. Тем не менее было и положительное в столь позднем обращении к созданию системы письменности уйльта: в настоящее время нет особой разницы между общепринятыми нормами языка уйльта и разговорной речью (именно это противоречие возникло при создании письменности у некоторых народов Севера в 1930-е годы).

Зачем нужна жизнь языка малочисленного народа? Каково место языка уйльта в изучении тунгусо-маньчжурской языковой классификации? Именно над этими проблемами задумываются сегодня и представители народа уйльта. Неоднократно проводя экспедиционные изыскания в среде уйльтинских оленеводов, не раз приходилось слышать их вопросы, обращенные к этнологу, об истории своего народа и языка; в том числе обсуждались и проблемы языковой классификации, а также языкового взаимопонимания прародителей, владевших родным языком, и иных народов, живущих на Сахалине. В XX в. на Сахалине шло бытовое общение на родных языках уйльта с нанайцами (переселенными с материка), эвенками, негидальцами. Ныне интерес народа к собственной этнической истории и сохранению языка значительно возрос.

Проблемой сохранения языков (в данном случае тунгусо-маньчжурских) малочисленных народов Севера исследователи занялись наиболее активно с 1990-х годов. Как пишет А.А. Петров, ученые пытаются дать "конкретные предложения по поиску путей выхода из кризиса, дальнейших перспектив изучения и этнолингвоэкологии редких языков" (1997: 266). Среди таких исследований в первую очередь следует отметить работы Б.В. Болдырева (1991), В.А. Роббека и Д.М. Насилова (1992), А.Н. Мыреевой (1993), Х.И. Дуткина (1993) В.А. Роббека (1998). Основополагающими в истории изучения тунгусо-маньчжурских языков России считаются немногочисленные работы В.А. Горцевской (1957), В.А. Горцевской и В.И. Цинциус (1960).

Из-за ситуации недоступности единичных исследований языка уйльта многоэтничному российскому сообществу (как утверждают СМИ), остановимся на вопросе о месте уйльта в классификации языковой семьи родственных народов. Уйльта относятся к тунгусо-маньчжурским народам. Согласно принятому в российской науке разделению, к тунгусо-маньчжурским народам относятся живущие в России эвенки, эвены, нанайцы, удэгейцы, ульчи, ороки (уйльта), орочи, негидальцы, в Китае – маньчжуры, сибо, эвенки, орочоны, хэчжэ, в Монголии – хамниган (*Решетов* 1997: 47; *Чебоксаров* 1965).

В энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона значилось, что "тунгузское племя", широко раскинувшееся по огромной территории, от границ срединного Китая к северу до самого побережья Ледовитого океана и от берегов Енисея на западе вплоть до побережья Северо-Японского и Охотского моря, "заключает в себе целый ряд отдельных племен": маньчжуров, солонов, дауров, собственно тунгусов, манегров, бираров, гольдов, орочон, ольчей, ороков, негда, самагиров, киле, ламутов, "далганов, аси и т.д.". "Родиной их считается сев. Маньчжурия". Шренк (по мнению издателей словаря, не совсем правильно) делит "тунгузские народности" Приамурского края следующим образом: 1) дауры и солоны, 2) маньчжуры, гольды и орочи, 3) орочоны, манегры, бирары, киле (по р. Кур), 4) ольча (на Амуре), ороки (на Сахалине),

негда, самагиры. Первые две группы Шренк относил к южной или маньчжурской ветви, две последние он называет “отростками” северной сибирской ветви, распространившейся вплоть до Енисея, Ледовитого океана и Камчатки (*Брокгауз* 1902: 64).

Итак, издавна ороки (уйльта) описываются как народ сибирской ветви тунгузского племени, живущий на восточном берегу Сахалина, “от мыса Вюрта до залива Терпения; кроме того… встречаются по р. Поронаю… язык их несколько разнится от языка последних (ольчей. – *Л.М.*), что зависит, быть может, от различного образа жизни тех и других. Ороки – полукочевой народ… Главное их занятие – добывание зверей и уход за домашними оленями”. Язык тесно связан именно с разницей в хозяйстве (*Он же* 1897: 178).

Какую же роль играл язык в быту еще в недавнем прошлом? Изучая межнациональные браки уйльта и эвенков (есть отдельные случаи с негидальцами), можно было много раз слышать (в начале 1990-х годов) от людей пожилого возраста, что несмотря на языковую разницу (информанты часто подчеркивали, что эвенкийский язык довольно трудно понимаем для уйльта), такие браки считались браками между братскими народами, так как хозяйственный уклад очень схож (ПМА). То, что хозяйство выступает на первое место, когда речь идет о выборе брачного партнера, а языковой барьер вполне преодолим при ведении общего хозяйства, подтверждают и материалы по другим тунгусским народам, например, негидальцев.

По мнению лингвистов, уйльтинский язык относится к приамурской (нанийской) подгруппе тунгусской ветви тунгусо-маньчжурских языков алтайской семьи. Данный язык включает два диалекта: северный (восточносахалинский) и южный (поронайский) (*Новикова, Сем* 1997: 202). На первом говорит группа *дороннени* (“люди, живущие на севере”; обитает в Ногликском р-не Сахалинской обл.), на втором – *суннени* (“люди, живущие ближе к солнцу”; в Поронайском р-не той же области) (подробнее см.: *Миссонова* 2006). Язык уйльта суннени, переселившихся на о-в Хоккайдо из Поронайского р-на после 1945 г., относится также к южному диалекту. Официальной статистики (ни японской, ни российской) о числе уйльта, приехавших с Сахалина на Хоккайдо, не существует. По данным информантов из числа общества уйльта на Хоккайдо, эта цифра не превышает трех десятков человек – представителей менее десятка семей.

Необходимо отметить, что к 2008 г. на Хоккайдо (по исследованию автора, проведенному в различных городах, музеях и архивах острова в июне–октябре 2008 г.) уже почти не осталось людей, имеющих однозначно проявляемое уйльтинское самосознание и хотя бы в какой-то степени владеющих языком уйльта. Некоторые лица преклонного возраста, открыто идентифицировавшие себя как уйльта и говорившие на языке уйльта, еще жили в районе г. Абасири в 2007 г. Благодаря переселению после Второй мировой войны нескольких семей уйльта с Южного Сахалина на территорию Японии у Д. Икегами появилась возможность впервые изучать язык этого народа, а позднее осуществлена идея создания букваря уйльтинского языка. Появившийся тогда у японского ученого интерес к языку одного из коренных народов Сахалина через полвека имел своим последствием защиту интересов малочисленного народа России и его прав в реализации потребностей изучения родного языка. Ныне в России нет специалиста, досконально знающего язык уйльта, а в Университете Хоккайдо создана целая научная школа по изучению этого языка и фольклорного наследия уйльта, представленная исследователями различных поколений, о чем будет сказано ниже. Язык и жизнь народа сегодня оказались тесно связаны так же, как и в прошлые века.

А.М. Певнев, российский лингвист в области тунгусо-маньчжуроведения, активно интересующийся проблемами этногенеза уйльта, во время презентации букваря высказал свою точку зрения на место языка уйльта: «С таксономической точки зрения в тунгусо-маньчжурской языковой семье он является ближайшим родственником ульчского и нанайского языков, причем максимальные генетические связи обнаруживаются с первым из них. Языковые предки уильта имели очень серьезные контакты с эвенка-

Дзиро Икегами с информантами во время лингвистической экспедиции
в пос. Вал Ногликского р-на Сахалинской обл. 1990 г. Фото Коити Иноуэ

ми, но не с теми, которые ныне живут на Сахалине, а с какими-то иными – вероятно, континентальными. Именно тот, неякутизированный эвенкийский язык оставил весьма заметный след не только в уильтинской лексике, но и в грамматике.

Своеобразие, даже можно сказать, уникальность языка уильта проявляется прежде всего в исторической фонетике и в некоторых правилах морфонологии. Что касается исторической фонетики, то крайне странным кажется не обусловленное позицией в слове отвердение (депалатализация) некоторых согласных; например, ульчскому *чаагдя* “белый” в уильтинском языке соответствует *таагда* с тем же значением. Морфонология уильтинского языка также не может не удивлять: скажем, от существительного *нари* (восходит к *няри) “человек”, “мужчина” форма винительного падежа образуется весьма своеобразно: *наррее* (восходит к *нарива и далее к *нярива).

О передаче на письме в только что опубликованном букваре фонем уильтинского языка могу сказать одно – японский профессор Дзиро Икегами является блестящим специалистом по языку уильта и идеально разобрался во всех тонкостях его звукового строя. Этим и объясняется столь высокое лингвистическое качество уильтинского букваря».

А.И. Новикова и Л.И. Сем считают, что благодаря тесному контакту с родственными и неродственными народами в лексике языка данного народа, а также частично в морфологии и синтаксисе, можно найти различные заимствования, например, из монгольского (числительное 20) и эвенкийского языков (*Новикова*, 1997: 202 – не отмечается, от какой конкретно группы эвенков заимствования). Не будучи лингвистом, легко понять, что ряд лексических заимствований (первоначально – предметы быта, позднее – названия различных технических достижений, общественных организаций и политических атрибутов советского времени) есть и из русского языка.

Основу словарного состава языка уильта, по мнению специалистов, составляет общетунгусо-маньчжурская лексика, причем выделяется древнейший – амурский пласт, включающий так называемое *горопти кэсэ* (старую, древнюю лексику). Тунгус-

ский (эвенкийский) пласт прослеживается в большей степени в восточносахалинском диалекте в различных разделах лексики. А в составе этого пласта имеются вторичные заимствования из монгольского и якутского языков (например, в одном из названий "седла" и "жилища"). Японские и айнские заимствования можно найти в основном в южном (поронайском) диалекте. Среди них много этнонимов (фамилий), антропонимов (имен), гидронимов (названий рек), а также характерны заимствованные названия рыб, насекомых, морских животных. Из нивхского языка есть заимствования названий морских животных (*Новикова, Сем* 1997: 214).

В 1980 г. была опубликована статья В.А. Никонова, в которой делалась попытка частичного анализа фоностатистических спектров части языков обширного пространства между Уралом и Тихим океаном. Исследователь сделал вывод о том, что на всем этом огромном пространстве соотношение согласных и гласных колеблется лишь от 53:47 до 62:38. При этом интересно, что минимально консонантен нанайский язык, в котором согласные составляют 53%. Если обратиться к результатам данного исследования и попытаться сравнить фоностатистически языки, которые могли участвовать в процессе сложения языка уйльта, получается следующая картина соотношения согласных и гласных звуков: в нанайском языке (кур-урмийский диалект) – 53:47, в эвенкийском – 56:44, в нивхском (исследовался только амурский диалект) – 62:38 (для сравнения, в русском – 57:43). К сожалению, иные языки, имеющие отношение к рассматриваемому языку уйльта, например, ульчский, не попали в исследование (*Никонов* 1980: 31–33).

Первым исследователем, который сделал записи уйльтинского языка в середине XIX в., был японский ученый Такэсиро Мацуура. Ему удалось записать около 350 слов (в японском силлабическом письме). Следующим, кто смог зафиксировать реальный ("живой") уйльтинский язык, был известный исследователь народов Сахалина Бронислав Пилсудский. Языковой фонд, собранный им в начале XX в., включает не только около 2000 слов, но и важные (особенно для современных исследователей и обучающихся языку в будущем) грамматические пометки и короткие тексты. С 1905 по 1945 г., когда японские ученые имели возможность проводить исследования на Южном Сахалине, язык уйльта изучали Акира Наканоме, опубликовавший словарь (глоссарий) из 1000 слов (*Nakanome* 1917, 1928) и Хисахару Магата, результатом работы которого в 1928 г. стал значительный по объему словарь, опубликованный лишь в 1981 г. *(Magata* 1981). Кроме того, лексический и фольклорный материал собирал Хидея Кавамура (*Ikegami* 1983). После Второй мировой войны, как отмечалось выше, Дзиро Икегами начал кропотливые многолетние научные познания языка, на котором разговаривали уйльта Хоккайдо. Позднее его научное дело успешно продолжил исследователь из Университета Хоккайдо (г. Саппоро) Тоширо Цумагари, – он разрабатывает основы грамматики уйльтинского языка (*Tsumagari* 1980, 1985, 2009).

Безусловно, среди перечисленных исследователей выделяется Д. Икегами. Прежде чем подойти к созданию букваря уйльта, ученый несколько десятилетий исследовал не только непосредственно сам язык (как лингвист), но и жизнь этого языка, его "душу". Так, Д. Икегами записывал тексты на языке уйльта на Хоккайдо, рассказанные ему двумя женщинами – Напка и Кайо (*Ikegami* 2002: 143). Они родились примерно в 1910 г. на юге Сахалина (в нынешнем Поронайском р-не), переехали на Хоккайдо в 1947 г. и говорили на уйльтинском и на японском языках. Проф. Икегами собирал эти тексты в основном в 1955–1956 гг., но некоторые были записаны в 1949, 1950 и 1951 гг. Д. Икегами подробно рассказывает, что уйльта живут на Сахалине и говорят на уйльтинском (орокском) языке – разновидности тунгусского языка. Они не имеют письменности, поэтому у них отсутствует письменная литература. Устное народное творчество уйльта, говорящих на южном диалекте, делится, по его классификации, на пять видов: 1) *тээлуӈу* – легенда; к примеру, к этому виду относится легенда о конфликте уйльта и айнов, юмористические истории о знаменитых персонажах, истории о

великанах, дьяволах и проделках лисы; уйльта верят, что все эти легенды правдивы; 2) *саксури* – сказочная история; в сказках действуют олицетворенные (одушевленные) животные, уйльта сами относят их к вымышленным историям, каждая такая сказка начинается со вступительной фразы *даа ксайилассее*; 3) *ниңмаа* – речитатив, декламирование последовательно чередующихся двух частей, одна из которых на уйльтинском языке, а другая на диалекте эвенкийского языка, который проф. Икегами называет *Kilin*; вторая часть звучит с определенным мотивом; в конце каждой фразы повествования *саксури* и *ниңмаа* вставляется слово *гээ*; 4) *гайау* – загадка; она начинается вступительной фразой *гаң гаң гайавоо*; 5) *ксээгэ* – песня-импровизация; начало и конец каждой строфы песни (от)выделяется строчкой *гэннэңгэккэ гээнэнэ*, имеющей вариации с продолжением (пролонгированные вариации). Кроме того, у уйльта есть еще детские рассказы и песни, одна из разновидностей – колыбельная песня.

Таким образом, еще до официального создания письменности ученый кропотливо собирал и публиковал на языке уйльта (используя латиницу) национальное литературное достояние, чтобы сохранить его на века. Существует его перевод фольклора на японский язык. Эти публикации ученый привозил на Сахалин и дарил уйльта. В итоге в конце XIX в. произошел возврат фольклора в общество уйльта с Хоккайдо на Сахалин. Если еще в начале 1990-х годов от пожилых сахалинских уйльта на о-ве Южном и в пос. Вал можно было услышать песни и сказки, то уже в конце 1990-х годов таких информантов не было. Привезенные на Сахалин японские публикации фольклора быстро распространялись и вызвали большой интерес среди уйльта, но прочитать и понять его они не могли, так как языком не владели. Сложилась ситуация, когда народ, не имеющий письменности, в очередной раз почувствовал ущемление своих прав на познание собственной этнической культуры (см.: *Бурыкин* 2002). Все это совпало по времени с ростом интереса к национальным культурам у коренных народов Севера России.

Одновременно с этими социальными процессами происходили многократные, на протяжении не одного десятка лет, попытки создания системы преподавания уйльтинского языка в детских садах и школах в г. Поронайске и пос. Вал. Три представительницы интеллигенции уйльта (две – с высшим филологическо-педагогическим образованием), благодаря энтузиазму (вопреки всем социально-экономическим и межэтническим сложностям на о-ве Сахалин) и владению с детства уйльтинским языком как родным, преподавали язык уйльтинским детям, сочетая эти уроки с занятиями по прикладному искусству и национальному танцу. Разработав свои программы преподавания, они, естественно, столкнулись с проблемой отсутствия письменности. Сегодня (в различные периоды времени года число варьируется, что связано со школьной программой и сезонной занятостью коренного населения) язык уйльта в указанных населенных пунктах изучается при помощи вышедшего букваря.

В лицее г. Поронайска (по данным учителя уйльтинского языка Минато Сирюко), специализирующемся по “технологии и традиционным промыслам народов Севера”, уйльтинский язык уже традиционно преподается во втором, третьем и четвертом классах, где учатся не только уйльта, но и дети других народов Севера. В наступившем 2009–2010 учебном году будут обучаться языку уйльта 18 детей, из них учащихся 2-го класса – 4 чел. (в том числе 2 уйльта), 3-го – 4 чел. (в том числе 2 уйльта), 4-го – 10 чел. (в том числе 3 уйльта). Нивхский язык не преподается, так как нет преподавателя по нивхскому языку.

124 ребенка учится в средней школе пос. Вал, из них 21 представитель КМНС (по статистическим данным главы администрации пос. Вал Г.В. Мельяновской) может изучать язык уйльта в наступившем учебном году. В детском саду данного поселка (по сведениям воспитателя-преподавателя И.Я. Федяевой) учат уйльтинский язык 24 ребенка в возрасте от 4 до 7 лет вне зависимости от национальности. Посещают этот детский сад уйльта, эвенки, русские и татары. Все дети проявляют интерес к языку, с удовольствием читают стихи и поют песни на уйльтинском языке. Интересно заме-

Авторы письменности уйльта (*слева направо*) И.Я. Федяева (пос. Вал), Л.Р. Китазима (г. Поронайск), Е.А. Бибикова (пос. Ноглики), Сирюко Минато (г. Поронайск) во время презентации букваря. Апрель 2008 г. Южно-Сахалинск. Фото Л.И. Миссоновой

тить, что именно в этом поселке в советское время (в начале 1980-х годов) пару лет преподавала эвенкийский язык жительница поселка А.Н. Соловьева. Это был единственный случай преподавания эвенкийского языка на Сахалине. В поселок присылали с материка учебники эвенкийского языка, но некоторые существенные различия употребления эвенкийского языка на Сахалине и материке не позволили полноценно использовать этот учебник, сильно затрудняли процесс обучения, что и послужило в итоге причиной прекращения учебного процесса. В настоящем учебном году делается первая попытка преподавания эвенкийского языка на Сахалине – в Виахте – профессионально подготовленным учителем, которого пригласили с материка.

В целом преподавание национальных языков на Сахалине практикуется ныне в 36 школах, в которых 516 детей изучают языки народов Севера (в основном, нивхский язык), из них 50 чел. изучает факультативно, 45 детей учат родные языки (КМНС) в детских садах (данные начальника отдела коренных народов Севера аппарата администрации Сахалинской обл. Е.А. Королевой). В средней школе пос. Ноглики (напомним, что в Ногликском р-не постоянно живут уйльта) число детей коренных народов Севера не слишком меняется последние три года 2007 г. – 78 чел., 2008 – 75, 2009 – 76. Однако в процентном отношении за эти годы число изучающих родной (т.е. нивхский. – *Л.М.*) язык среди них снизилось почти на 20%: 60,2, 45,3, 40,7 – соответственно перечисленным годам (данные старшего специалиста отдела по социальным вопросам и КМНС Управления социальной политики муниципального образования “Городской округ Ногликский” Е.А. Вовкук). На фоне снижения изучения нивхского языка (жизнь букваря которого имеет уже свою историю на Сахалине), за последний год проявляется тенденция нарастания изучения уйльтинского языка (среди детей разных национальностей!) в местах постоянного обитания уйльта.

Жизнь языка малочисленного народа. Уйльтинский (орокский, как его часто называли лингвисты в XX в.) язык давно относится к группе языков, которые имеют неблагоприятные показатели по всем параметрам и находятся "на грани исчезновения" или причисляются к "серьезно больным языкам" (*Гурвич, Таксами* 1985: 59; *Роббек* 1998: 53; *Озолиня* 1994: 44; *Вахтин* 2001: 75–76 , 171, 182–183). Опираясь на собственные полевые материалы, собранные в 1990–2009 гг. (ПМА 2), можно утверждать, что данные различных переписей, которые пришлось использовать Ч.М. Таксами, Л.В. Озолиня и Н.Б. Вахтину, относительно владения родным языком среди уйльта (ороков) были безусловно ошибочными – реальная ситуация была значительно хуже. Но при этом de facto на начало XXI в. Н.Б. Вахтин абсолютно справедливо не отнес этот язык к "практически не существующему языку". Хотя уже в начале 1990-х годов можно было говорить о единичных представителях народа, свободно владевших родным языком. В 2008 г., как это ни парадоксально, их число не изменилось (безусловно, степень владения языком в эти десятилетия – различная). Тем не менее при фактически постоянном снижении числа владеющих уйльтинским языком не стоит утверждать, что данный язык близок к "вымиранию" в ближайшее время.

Наряду с вопросами о катастрофическом состоянии языков многих малочисленных народов, о возможном скором исчезновении таких языков (через 20, 50 лет), ряд исследователей из разных стран ставит и противоположный вопрос. "Почему языки так устойчивы?" – именно так, к примеру, ставит вопрос и детально разбирает его в своей книге и Н.Б. Вахтин (2001: 263). Рассмотрим более подробно эту проблему, так как она имеет прямое отношение к жизни языка уйльта. Как отмечает Н.Б. Вахтин, уже более 100 лет назад А.А. Потебня писал: "Если бы объединение человечества по языку и вообще по народности было бы возможно, оно было бы гибельно для общечеловеческой мысли, как замена многих чувств одним", а в конце XX в. социолингвист Дж. Фишман указывал: "Однообразие (то есть когда все говорят на одном языке) никогда не составляет оптимального человеческого решения" (*Вахтин* 2001: 312; *Потебня* 1976: 229; *Fishman* 1991: 31).

Далее, развивая мысль Н.С. Трубецкого, относящуюся к 1923 г. (*Трубецкой* 1995: 327) о том, что "законы эволюции народов устроены так, что неминуемо влекут за собой возникновение и сохранение национальных отличий в области языка и культуры", Н.Б. Вахтин пишет: «Неминуемое сохранение (воссоздание) отличий в области языка и культуры – это тот императив, сломать который не способно даже самое варварское давление на языки и культуры народов. Страшная тоталитарная мясорубка, в которую попали народы Севера в 1950–1980-е годы, и иные виды "мясорубок" в те же или другие исторические периоды, в которых оказались народы Канады, Аляски и других американских штатов, Южной Америки, Австралии и т.д. и т.п., смогли значительно ослабить их способность к сопротивлению, значительно сгладить культурные и языковые различия между ними, но ни в коем случае не способны были уничтожить эти различия (а значит, и эти народы)» (*Вахтин* 2001: 313). Почему же народы Севера "просто вопреки прямому насилию, упорно и успешно сохраняют и возрождают свои разнообразные *identities*"? По мнению Н.Б. Вахтина (которое он, правда, сам называет "рискованным рассуждением"), "мы имеем здесь дело с действием чего-то, напоминающего закон природы" (Там же: 310).

Очень интересна и ценна мысль исследователя: "Всегда существуют географические, социальные, индивидуальные отличия между частями того или иного народа, всегда сохраняются районы, поселки, семьи, индивиды, наконец, для которых степень сохранности языка ниже или выше, чем для других" (Там же: 283). Зачастую, совсем «непросто ответить на вопрос, "жив" или "умер" язык… Похоже, что правильный ответ – "ни то ни другое"» (Там же: 287). Нельзя, например, пообщавшись с кое-кем из представителей уйльта в пос. Ноглики или Вал (как это сделала одна из журналисток, выступавшая в СМИ во время презентации уйльтинского букваря), делать вывод, что

никто из уйльта ничего не может сказать на этом языке, никому этот язык не нужен, а, следовательно, нет надобности в создании письменности. Если приехать, к примеру, к оленеводам в тундру, окажется, что все профессиональные оленеводческие уйльтинские дефиниции (не столь малочисленные), как были живы в начале 1990-х годов, так и успешно выстояв в период "перестройки", продолжают быть незаменимыми в данной сфере деятельности и сегодня. Это происходит естественным образом и нет никакого смысла заменять веками выверенные уйльтинские понятия на русские слова, которые не смогут точно и кратко отразить суть оленеводческих категорий в разнообразных жизненных ситуациях.

Важно подчеркнуть, что профессиональные дефиниции употребляются не сами по себе; они естественно "вплетаются" и живут в уйльтинской речи в условиях продолжения сезонной кочевой жизни. Даже никогда не говорящий на "родном" языке молодой человек, приехав в оленеводческую бригаду, сразу же осваивает несколько оленеводческих терминов, т. е. уйльтинских слов и фраз, а при необходимости в определенных ситуациях может сказать пару кратких предложений на уйльтинском языке. Кроме того, некоторые уйльтинские слова и фразы в настоящий период истории успешно играют роль своеобразных маркеров в социальной среде уйльта.

Так происходит, к примеру, при употреблении в быту различных фраз со словом *араки* (см.: *Озолиня* 2001: 27–28, *Озолиня, Федяева* 2003: 18), обозначающего любое спиртное (сейчас это равнозначно понятию "водка"). А в середине XIX в. похожим словом маньчжуры называли рисовую водку, которую обменивали гилякам на юколу, что было, как писал лейтенант Бошняк в неофициальном отчете об экспедиции на Сахалин и Амур (1852: 118–119), "позорным средством для исключительных выгод торгашей. Манжуры, имея араку на 2/3 ценности всех своих товаров, спаивают целыя селения, обирают весь годовой запас корма юколы, и потом продают его тем же Гилякам, в десять раз дороже того, за что купили". Слово "араки" понимает ныне почти каждый уйльта. Этническая и этносоциальная принадлежность собеседника определяется в зависимости от того, понимает он эти высказывания "по-уйльтински" или нет (чему автор данной статьи была многократно свидетелем; для этнолога и лингвиста делается исключение, "маркер" не работает).

Рассмотрим другой факт из жизни языка. Сейчас, как и почти 20 лет назад (во время моей первой экспедиции на Сахалин), можно услышать, как в повседневной жизни представители молодого поколения уйльта (как и нивхов) обычно употребляют различные географические названия (рек, озер и т.д.), которые отличаются от общепринятых в официальных картах, используемых русскоязычным населением Сахалина. Эти географические наименования были взяты в разные периоды истории приезжими именно из языков коренных народов Сахалина (айнов, нивхов и уйльта) и далеко не всегда правильно зафиксированы (как услышаны). Интересно, что слова айнского, нивхского или эвенкийского происхождения, попавшие в прошлые времена в уйльтинский язык вместе с конкретным обозначением, к примеру, места стоянки или родом деятельности (например, отдельные названия рыб или морских животных), гораздо более точно воспроизводятся уйльта сегодня, чем отображены на современных картах (атласах и т.п.).

Если ехать из пос. Ноглики в пос. Вал можно встретить бытующие среди уйльта по сей день названия рек (или мест традиционного кочевого пути оленеводов): р. ǯимдани – река "красноперки" (на уилтинском яз.) (Джимдан – на карте), Оннору – "кунжиная" река (водилась рыба кунжа) (р. Онор, пос. Оноры), р. Баури – "скользкая", р. Даи (Даj) – "большая'' (р. Даги), р. Типауна – "илистая" ("типа – ил, болото), здесь находятся Горячие ключи (и лечебные грязи) (р. Тапауна), р. Аксаха – по легенде это "сердитая" река, где "вода сильно бурлила вместе со льдом" (есть также версия перевода с нивхского языка "Ох, горячо") (р. Аскасай), р. Хоjомуса (географические обозначения встречаются с разным написанием типа р. Хоёмбусибини), р. Эвай – (Эва гунэс? "Что говоришь?" – на эвенкийском яз.) (информанты *Е.А. Бибикова, И.Я. Федяева*, 2009).

Необходимо обратить внимание также на то, что почти все ныне существующие национальные (родовые) хозяйства уйльта называются уйльтинскими словами, обозначающими названия родов и иные важные этические понятия, которых существует немало. В такой форме язык уйльта никогда не прекращал свое существование, в этом смысле уйльтинский – живой язык, в отличие, например, от латинского, имеющего почтенный возраст именно благодаря наличию письменности.

С одной стороны, непрекращающаяся жизнь языка позволяет сохранять уйльтинскому народу этническую идентичность, а с другой – у языка de facto повышаются шансы "на выживание" в ситуации, когда у общности есть необходимость в повседневном проявлении этнической идентичности, иными словами, в период назревшей социальной потребности в более весомом сплочении в этническую общность. Предсказать, каково будет состояние восприятия своего языка через десятилетия после появления букваря, очень сложно. Как отмечает ряд исследователей – С. Галл, Н. Дориан, М. Митун, Н. Эванс, Н. Вахтин (см.: *Вахтин* 2001: 288–290), в большинстве случаев границы между "умеющим говорить" и "не умеющим говорить", между данной общностью и другими далеко не так отчетливы, как это подчас пытаются определить лингвисты и этнологи, а стремление к бинарности при определении языковой ситуации ("жив" или "мертв") подчас не оставляет возможности для осмысления (интерпретации) происходящих процессов вовсе не как стадии умирания языка, а его естественной трансформации иным, не столь прямолинейным образом. Развивая мысль Д. Фишман о том, что даже для животной и растительной жизни непросто установить точные пределы жизни и смерти, и это тем более верно для социокультурных систем (*Fishman* 1985: 213), можно отметить, что сложность даже не только в том, чтобы определить эти пределы, но прежде всего в применимости самих понятий "жизнь" и "смерть" к языку и социокультурным системам (*Вахтин* 2001: 290).

В случае с уйльта с определенной степенью очевидности можно сказать, что вряд ли этот язык будет жить в среде уйльта как разговорный именно в повседневной бытовой жизни (за исключением описанных случаев в среде оленеводов). Но при более интенсивном и регулярном преподавании языка, что в начале XXI в. вполне реально благодаря появлению букваря, язык станет понимаем в среде уйльтинской общности, в частности, в письменном виде. А это будет давать возможность понимания фольклора (песни, легенды и сказки) народа (который опубликован, как уже отмечалось, в основном японскими лингвистами на "уйльтинском языке", хотя и посредством латинских букв и японских иероглифов) и лучшего знания родной культуры, ощущения еще более тесной связи со своими этническими предками. В настоящее время среди уйльта есть огромная потребность ко всему этому. С точки зрения как этнолога, так и представителя малочисленного народа, язык (и культура в целом) любого этнического сообщества равновелика по важности своего присутствия в общемировой культуре. В истории известны примеры жизни языков именно в письменности, к примеру, латинский язык, на котором уже давно никто не разговаривает, но этот язык по сей день активно изучается и используется людьми разных профессий, на нем читаются стихи и проза людьми разных национальностей, и т.д.

В настоящее время происходит очевидная утрата именно коммуникативной функции общения, что никоим образом не равнозначно утрате в целом языка для народа (о коммуникативной функции языка как одной из функций языка подробнее см.: *Вахтин* 2001: 304–307). В данном случае на первый план выходит функция, однозначно служащая поддержанию этнической идентичности общности уйльта. При этом малочисленность народа никак не означает малого числа (в процентном соотношении) людей, интересующихся в той или иной степени родным языком. В СМИ зачастую можно встретить такое объяснение: раз народ малочисленный, значит, его и не интересует собственный язык. В жизни de facto именно благодаря созданию письменности пробуждается в определенных ситуациях и устная уйльтинская речь, что отражает совре-

менный интерес народа к языку. Таким образом, именно по инициативе самих уйльта был создан букварь. Именно появление в структурах местной власти и среди общественных деятелей инициативных людей (таких, как Е.А. Королева, З.Л. Роник) из числа коренных народов Сахалина (не обязательно из уйльта; эти люди осознают единые задачи коренных народов) привело к успешному завершению процесса издания букваря. Общественные лидеры и представители интеллигенции на Сахалине отстаивают право их народов на практическую возможность обучаться родному языку и преподавать его, невзирая на численность этих народов (независимо и от того, воспользуются они этим правом или нет). Без букваря обучение языку крайне затруднительно, как показала многолетняя практика преподавания языка уйльта.

27 сентября 2007 г. Сахалинской областной думой был принят Закон Сахалинской области "О языках коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Сахалинской области". В ст. 1 отмечается, что лица, относящиеся к коренным малочисленным народам Севера (нанайцы, нивхи, ороки (ульта), эвенки), проживающие на территории Сахалинской обл. (далее – коренные народы) имеют право свободного выбора языка общения, воспитания, обучения и творчества, а также право на изучение родных языков. В рамках государственной поддержки сохранения и развития языков коренных народов в данном законе (ст. 2) предусматривается создание условий для использования языков коренных народов в различных сферах жизни и создание системы непрерывного обучения и воспитания подрастающего поколения коренных народов.

В настоящее время наблюдается возрастающая потребность коренных народов Сахалина в сохранении своих языков, поэтому благодаря усилиям лидеров из числа интеллигенции коренных народов Сахалина, в данном случае по инициативе Е.А. Королевой (тогда бывшей на посту представителя коренных малочисленных народов Севера при Сахалинской областной думе), в принятом Законе подчеркивается мысль о важности поддержки государством издания учебных пособий и литературы на языках коренных народов, создания условий для научных исследований и организации и проведения лингвистических, фольклорных и других экспедиций по сбору материалов по языкам четырех перечисленных выше народов, а также создания графико-орфографической и терминологической комиссии по языкам именно двух народов, которые ныне считаются исконными на Сахалине – нивхов и уйльта (ороков). Предусматривается также создание национальной редакции по изданию литературы на языках коренных народов и этнокультурных центров по сохранению и развитию языков коренных народов. Необходимо отметить, что указанный закон в качестве обеспечения гарантий реализации права коренных народов на выбор языка обучения и воспитания предусматривает "практическое владение учащимися родным языком" (ст. 3).

Вызывает интерес и то обстоятельство, что в средствах массовой информации, осуществляющих свою деятельность на языках коренных народов, должны использоваться (ст. 4) диалекты коренных народов для их сохранения и самобытного развития. Таким образом, в законе говорится не только о сохранении родного языка в целом, но и языковых особенностей его отдельных групп. В отношении языка уйльта это означает отстаивание права на сохранение лингвистических особенностей северной и южной групп этнической общности. Важно отметить, что Ст. 6–7 содержит положение об обеспечении органами исполнительной власти Сахалинской обл. написания наименований географических объектов, оформления и поддержания в надлежащем порядке надписей, дорожных и иных указателей на языках коренных народов "на территориях их компактного проживания".

Можно ли говорить об уйльта, что создан букварь их родного языка? И почему же существуют такие разные цифры в статистическом определении уйльта, "владеющих" "родным" языком? Очень большие статистические расхождения при подсчете числа людей, "владеющих уйльтинским языком", которые дают различные официальные источники информации (например, различные переписи населения и другие

статистические документы), объясняются чаще всего некорректностью задаваемого вопроса при проведении опроса. Если спросить у представителей уйльта, эвенка, нанайца или нивха, живущих на Сахалине, какой язык у вас “родной”, зачастую можно услышать ответ: “уйльтинский”, “эвенкийский”, “нанайский”, “нивхский”. Но это не будет означать, что они владеют этими языками в той или иной степени. Понятие “родной язык” часто воспринимается ими как “язык предков”. Поэтому хотя они все с детства “говорят” на русском языке, их “родной язык” – это путь к осознанной или неосознанной (в действительности бывает по-разному) самоидентификации. Нельзя человеку запретить или указать, как ему правильно воспринимать понятие “мой родной язык”. Именно в этом огромное значение издания первого букваря уйльтинского языка: уйльта осознают, что впервые опубликован *букварь их родного языка*! Для столь малочисленного народа это без преувеличения эпохальное событие.

* * *

Вслед за появлением букваря уйльта в Университете Хоккайдо в сентябре 2008 г. состоялся симпозиум “Языковой (лингвистический) мир Сахалина”, организованный последователем Дзиро Икегами лингвистом Тоширо Цумагари. Он был посвящен 88-летию создателя уйльтинского букваря. Данный научный форум, посвященный проблемам изучения языков айнов и нивхов, особенно ярко продемонстрировал, как японские исследователи изучали и продолжают изучать язык уйльта. На симпозиуме состоялось основательное обсуждение истории появления букваря уйльта (доклад Тоширо Цумагари), актуальности продолжения более детального изучения языка северной группы уйльта (диалект южной группы всесторонне изучил уже Д. Икегами) в XXI в. (доклад Ёшико Ямада – ученицы Тоширо Цумагари), а также влияния японского языка периода Карафуто на Южном Сахалине на язык уйльта и нивхов (доклад Ёшико Асахи) и изучение культуры уйльта благодаря лингвистическим и музыкальным (фольклорным) материалам из коллекции Такеши Хаттори (Хаттори Бунко), собранным в первой половине XX в. и хранящимся ныне в Хоккайдском музее северных народов в г. Абасири (доклад Ируми Сасакура и Чика Шинохара). Большой интерес вызвала тема, посвященная российско-японскому взаимодействию при изучении уйльтинского и нивхского языков (доклад Александра Певнова, Санкт-Петербург).

Продолжение обсуждения данных тем исследования состоялось 19 октября 2009 г. на III Международном симпозиуме по полевой лингвистике в Москве (организатор – Институт языкознания РАН), где выступали с докладами А.А. Бурыкин (Санкт-Петербург) «Полевая лингвистика и особо “изучаемые” языки: упущенные и упускаемые возможности» и Рио Мацумото, Нориказу Когура, Ёшико Ямада, Хироми Кайи “Изучение тунгусо-маньчжурских языков в Японии”.

Источники и литература

Богораз 1934 – Богораз В.Г. Луоратветланский (чукотский) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. III. М.; Л., 1934.

Болдырев – Болдырев Б.В. Итоги и задачи изучения тунгусо-маньчжурских языков // Б.О. Пилсудский – исследователь народов Сахалина: Матер. Междунар. науч. конф. 31 октября – 2 ноября 1991 г. Южно-Сахалинск. Т. 2. Южно-Сахалинск, 1992.

Бошняк 1852 – *Бошняк Н.* Экспедиции в при-Амурском крае. 1952. (Публикация без указания места издания, с пометкой “Неофициальная часть”).

Брокгауз 1897 – Энциклопедический словарь. Издатели Брокгауз Ф.А. (Лейпциг) и Ефрон И.А. (СПб.). Т. XXII. СПб., 1897.

Брокгауз 1902 – Энциклопедический словарь. Издатели Брокгауз Ф.А. (Лейпциг) и Ефрон И.А. (СПб.). Т. XXXIV. СПб., 1902.

Бурыкин 2002 – *Бурыкин А.А.* Состояние языковой и этнокультурной среды как фактор этнически ориентированной образовательной политики у малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока // Этнология и образование: проблемы интеграции академической науки и высшей школы. Владивосток, 2002. С. 39–43.

Вахтин 2001 – *Вахтин Н.Б.* Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. СПб., 2001.

Горцевская 1957 – *Горцевская В.А.* Очерк истории изучения тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1957.

Гурвич, Таксами 1985 – *Гурвич И.С., Таксами Ч.М.* Социальные функции языков народностей Севера и Дальнего Востока СССР в советский период // Сов. этнография. 1985. № 2.

Дуткин – Дуткин Х.И. Эвенский язык: состояние и проблемы изучения // Малочисленные народы Якутии: состояние, проблемы. Якутск, 1993.

Метрические книги – Метрические книги Сахалина. 1869–1925 гг./ Государственный архив Сахалинской области. Фонд № 23-и "Церкви острова Сахалина".

Миссонова 2006 – *Миссонова Л.И.* Уйльта Сахалина: Большие проблемы малочисленного народа. М., 2006.

Мыреева 1993 – *Мыреева А.Н.* Языковая ситуация и перспективы развития языка эвенков Якутии // Малочисленные народы Якутии: состояние, проблемы. Якутск, 1993.

Никонов 1980 – *Никонов В.А.* Фоностатистические спектры языков Сибири // Народы и языки Сибири. Новосибирск, 1980. С. 26–34.

Новикова, Сем 1997 – *Новикова А.И., Сем Л.И.* Орокский язык // Языки мира: Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М., 1997. С. 201–215.

Озолиня 1994 – *Озолиня Л.В.* См. раздел "орокский язык" // Красная книга языков народов России: Энциклопедический словарь-справочник. М., 1994.

Озолиня 2001 – *Озолиня Л.В.* Орокско-русский словарь. Новосибирск, 2001.

Озолиня, Федяева 2003 – *Озолиня Л.В., Федяева И.Я.* Орокско-русский и русско-орокский словарь. Уjилта-луча кэсэни. Южно-Сахалинск, 2003.

Перепись 2002 – Данные Всероссийской переписи населения 2002 года // Электронный архив Института этнологии и антропологии РАН. Москва.

Петров 1997 – *Петров А.А.* Этнолингвистические исследования в истории изучения тунгусо-маньчжурских языков // Культура народов Сибири. Материалы третьих Сибирских чтений. СПб., 1997.

ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Ногликский р-н Сахалинской обл. Август–сентябрь 1990 г. (информант – Е.А. Бибикова).

ПМА 2 – Полевые материалы автора. Экспедиции в Ногликский и Поронайский районы Сахалинской обл. Август–сентябрь 1990 г., октябрь–ноябрь 1991 г. и далее до декабря 2009 г.

Потебня 1976 – *Потебня А.А.* Язык и народность // Эстетика и поэтика. М., 1976.

Решетов 1997 – *Решетов А.М.* Расселение и классификация тунгусо-маньчжурских народов (состояние и проблемы изучения) // Культура народов Сибири. Материалы третьих Сибирских чтений. СПб., 1997.

Роббек, Насилов 1992 – *Роббек В.А., Насилов Д.М.* Проблемы сохранения и развития языков народностей Севера на современном этапе // Просвещение на Крайнем Севере. СПб., 1992. С. 25.

Роббек 1998 – *Роббек В.А.* Новые альтернативы в теории и практике организаций образования в целях сохранения языков малочисленных народов Севера // Образование как фактор развития языков и культур этнических меньшинств. СПб., 1998.

Санжеев 1952 – *Санжеев Г.Д.* Образование и развитие национальных языков в свете учения И.В. Сталина // Вопросы языкознания в свете трудов И.В. Сталина / Под ред. акад. В.В. Виноградова. Изд-во МГУ, 1952.

Скорик 1969 – *Скорик П.Я.* Основные тенденции развития и взаимодействия языков народов Севера // Основные процессы внутриструктурного развития тюркских, финно-угорских и монгольских языков / Отв. ред. Н.А. Баскаков / Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху / Под ред. Ю.Д. Дешериева. М., 1969.

Трубецкой 1995 – *Трубецкой Н.С.* Вавилонская башня и смешение языков // *Н.С. Трубецкой*. История. Культура. Язык. М., 1995.

Цинциус, Горцевская 1960 – *Цинциус В.И., Горцевская В.А.* Изучение тунгусо-маньчжурских языков Советского Союза за 40 лет // УЗ ЛГПИ им. А.И. Герцена. Кафедра языков народов Крайнего Севера. Л., 1960. Т. 167.

Чебоксаров 1965 – Народы Восточной Азии / Под ред. Н.Н. Чебоксарова и др. М.; Л., 1965.

Fishman 1985 – *Fishman J.* Introdaction // Readings in the sociology of Jewish languages / Ed. J. Fishman. Leiden, 1985.

Fishman 1991 – *Fishman J.A.* Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages. Clevedon: Multilingual Matters, 1991.

Ikegami 1953 – *Ikegami J*. Tsunguusugo Orokko-hoogen no boin-onso *ö* nit suite (On the vowel phoneme *ö* in the Orok dialect of Tungus) // Gengo Kenkyuu. 22–23. Tokyo, 1953. P. 75–78.
Ikegami 1955 – *Ikegami J*. Tunguusugo (The Tungus language) // Sekai gengo gaisetsu. II / Ed. S. Ichikawa, S. Hattori.; Tokyo: Kenkyuusha. P. 441–488.
Ikegami 1956 – *Ikegami J*. The substantive inflection of Orok // Gengo Kenkyuu. 30. Tokyo, 1956. P. 77–96.
Ikegami 1959 – *Ikegami J*. The verb inflection of Orok // Kokugo Kenkyuu. 9. Tokyo, 1959. P. 34–79.
Ikegami 1971 – *Ikegami J*. Juukyuu-seiki nakagoro no Orokkogo-shuu (A vocabulary of mid-nineteenth century Orok) // Hoppoo Bunka Kenkyuu. 5. Sapporo P. 79–184.
Ikegami 1983 – Kawamura Hideya sairoku "Karafuto shominzoku no gengo to minzoku" (Hideya Kawamura's materials on the languages and folklore of the peoples of Sakhalin) / Ed. J. Ikegami. Uiruta minzoku-bunkazai kinkyuu-choosa hookokusho. 5. Sapporo: Hokkaido Board of Education, 1983.
Ikegami 1984 – *Ikegami J*. Uiruta kootoo-bungei genbunshuu (Uilta oral literature: a collection of texts) / Uiruta minzoku-bunkazai kinkyuu-choosa hookokusho. 6. Sapporo: Hokkaido Board of Education, 1984.
Ikegami 1985 – *Ikegami J*. B. Pilsudski in Uilta and Olcha studies // Proceedings of the International Symposium on B. Pilsudski's Phonographic Records and the Ainu Culture. Sapporo, Hokkaido University, 1985. P. 168–172.
Ikegami 1994 – *Икегами Дз*. Проект письменности уйльтинского языка // Acta Slavica Iaponica. 12. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 1994. P. 253–258.
Ikegami 2002 – *Ikegami J*. Materials for the Study of the Tungus-Manchu Languages. A Collection of Uilta, Evenki and Manchu Texts and Evenki and Early Recorded Uilta and Olcha Vocabularies // Hokkaido University Press. Sapporo, 2002. 521 p.
Ikegami 2007 – Сказания и легенды народа уйльта. (Собрано Д. Икегами. Пер. Е.А. Бибиковой / Под ред. Т. Цумагари). Sapporo: Faculty of Letters, Hokkaido University, 2007
Magata 1981 – Uirutago jiten (Уйльтинско-японский словарь, составленный с использованием этнографических материалов). A Dictionary of the Uilta Language. Compiled by Hisaharu Magata. [The Society for the Preservation of Northern Region Culture and Folklore]. Abasiri, Hokkaido, Japan, 1981.
Nakanome 1917 – *Nakanome A*. Orokko bunten (Грамматика орокского языка). Tokyo, 1917.
Nakanome 1928 – *Nakanome A*. Grammatik der Orokko-Sprache. Osaka, 1928 (на нем. яз.).
Tsumagari 1980 – *Tsumagari T*. Tunguusu-manshuu-shogo hikaku-jiten no Uirutago tango no kentoo (Замечания по словам уйльта в Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков) // Virutazoku gengo-bunka choosa-kenkyuu hookoku. 1. P. 11–25. Sapporo: Faculty of Letters, Hokkaido University, 1980.
Tsumagari 1985 – *Tsumagari T*. Grammatical Outline of Uilta // Asian and African Linguistics. № 14. Tokyo. 1985. P. 1–15.
Tsumagari 2009 – *Tsumagari T*. Grammatical Outline of Uilta (Revised) // Citation Journal of the Graduate School of Letters, 4. Sapporo, 2009-03. P. 1–21.

L.I. M i s s o n o v a. The Emergence of Uil'ta Writing in the 21st Century

Keywords: Sakhalin, Uil'ta, writing, ethnic-social problems

The author discusses the birth of an Uil'ta writing system in the twenty first century and poses a question: What is the life of a small nationality's language there for? Is the communicative function of a language being replaced by the function of ethnic identity maintenance in a multiethnic society such as Sakhalin presently is? The Uil'ta learn to speak Russian very early, yet the notion of "native language" is often taken to mean the "language of my ancestors". This and other convoluted questions are analyzed by the author in the article.